

О жертвоприношении и ученичестве

А.Е. Штанько

(Получена 30 декабря 2009; опубликована 15 января 2010)

Проанализирована важнейшая особенность христианского мироощущения, вытекающая из представления об искупительной жертве Христа – комплекс вины и неустранимой греховности. Показано, что эта особенность восходит к древней культуре, в которой отсутствовали концепции эволюции и развития. Противовесом пассивному состоянию виновности и греха в христианской практике служит подвиг самопожертвования, самоотречения и восхождения на Голгофу. Концепция иного, умеренного пути не разрабатывалась, так как в прежние времена мощному напору темной и загадочной силы греха человек ничего не мог противопоставить, кроме твердости своей веры в Спасителя и демонстрации своей верности Ему.

Культура нашего времени предоставляет человеку новую возможность, заключающуюся в способности человека исследовать самого себя так же, как он исследует окружающий мир. Использование рефлексии наряду с развитой в наше время концепцией движения, и развития как способа существования порождает принципиально иное мироощущение. Спаситель становится Учителем. Человек вместо пассивной роли раба Божия, носителя неустранимого первородного греха, занимает ответственную позицию ученика, требующую от него постоянных осознанных творческих усилий по решению этических задач, которые Учитель последовательно ставит одну за другой. При этом земная жизнь рассматривается как школа духовного роста.

Всего дороже нам в христианстве Сам Христос!
Вл. Соловьев

Я часто встречаю утверждение, взятое эпиграфом статьи, но при всей ясности формулировки его смысл ускользает от меня. Пытаясь уточнить, что же нам, собственно, дороже всего, я мысленно обращаюсь к Вл. Соловьеву:

– Ну, хорошо, а в каком качестве Он нам всего дороже?

И слышу в ответ его вздох:

– Да ты же сузил вопрос настолько, что он уже не вмещает смысла! Христа нельзя принять лишь в отдельном качестве, Его можно принять лишь в цельности, то есть таким, какой Он есть на самом деле.

– А какой Он есть на самом деле? Вы знаете Его лично?

Теперь уже в ответ я слышу вздох, полный укоризны и сочувствия:

– По твоему вопросу видно, что ты действительно закрыл для себя возможность понять самое главное.

Нелегкий диалог, а главное – мало что проясняющий. Я привел его для того, чтобы обозначить проблему, назревшую уже во времена Соловьева. Это проблема взаимопонимания и взаимодействия двух культур, в основе которых лежат разные принципы восприятия мира.

Я ощутил для себя эту проблему как проблему духовных исканий. Суть их весьма близко отобразил Л.Н. Толстой в своей книге «В чем моя вера». Он пишет:

«во всем Евангелии трогало и умиляло меня больше всего то учение Христа, в котором проповедуется любовь, смирение,

унижение, самоотвержение и возмездие добром за зло. Такова и оставалась для меня всегда сущность христианства».

И далее высказывает свое недоумение:

«Я заметил, что то, что представлялось мне важнейшим в учении Христа, не признается церковью самым важным».

Зато, по его мнению, в практике церковной жизни присутствовало много того, что не согласовывалось с учением Христа, а то и находилось с ним в противоречии. Он пишет:

«Мне была нужна и дорога жизнь, основанная на христианских истинах; а церковь мне давала правила жизни, вовсе чуждые дорогим мне истинам. Правила, даваемые церковью о вере в догматы, о соблюдении таинств, постов, молитв, мне были не нужны; а правил, основанных на христианских истинах, не было».

У меня – сходные ощущения. Во мне вызывает глубокий отклик Нагорная проповедь, но к двум центральным моментам христианского мироощущения: к искупительной жертве Христа и Его Воскрешению я остаюсь равнодушен, ибо на таком языке я не в состоянии воспринять хоть сколь-нибудь внятный смысл евангельского сюжета. Обладая научным складом мышления, я всегда обращаюсь к связям (пусть даже пока не видимым) между предметами, событиями, явлениями. Только в живом переплетении предметов и связей для меня начинает проявляться смысл. И вот я постоянно слышу, что Бог отдал своего Сына (а это означает Себя Самого) на мученическую смерть, и тем самым искупил грехи всего человечества. Меня, естественно, не смущает здесь отсутствие зримой причинно-следственной связи событий. Дело не в чудесах. Не объяснимой оказывается связь событий с нравственной точки зрения. Почему насильственная смерть Праведника от руки грешных людей очищает этих людей от греха, и они приобретают состояние праведности? Если убийство – грех, то результат в данном случае должен быть обратным. Как могла, казалось бы, такая очевидная глупость быть предметом веры миллионов людей в течение двух тысяч лет. Именно эта абсурдность заставляет меня предположить, что здесь все не так примитивно просто. Должна быть определенная почва, на которой смогла вырасти подобная вера.

Если мы обратимся к истории, то увидим, что в культуре всех народов присутствовали ритуалы жертвоприношения. Они были распространены повсеместно и являлись важнейшим элементом культов. Мы, люди просвещенной эпохи, с определенным высокомерием относимся к этим жестоким и бессмысленным на наш взгляд ритуалам, отображающим суеверия древнего человека. Жертвоприношение никак не согласуется ни с гуманизмом нашей эпохи, ни с нашими либеральными ценностями, ни с научным мировоззрением. Для нас оно является лишь определенной ритуальной формой, и мы готовы обсуждать ее смысл лишь с чисто социальной или психологической точки зрения. При этом мы оставляем за гранью нашего понимания сакральные и мистические элементы жертвоприношения, то есть те смыслы, которыми древние люди наделяли этот ритуал.

Давайте попробуем совершить некоторый экскурс, спустившись с гордой вершины исторического прогресса прямо во «тьму» мироощущения древнего человека! По данной теме имеется масса исторического материала.

Обратимся к справочным данным. Согласно энциклопедии жертвоприношение - форма религиозного культа, существовавшая в религиях древнего мира; преследует цель установления или укрепления связи личности или общины с божеством путем принесения ему в дар предметов, обладающих реальной или символической ценностью для жертвователя. Широкое распространение жертвоприношения свидетельствует о том, что оно отвечало глубоким психологическим потребностям людей древних цивилизаций.

В политеистических религиях жертвоприношение часто сводилось к попыткам умилостивить богов с помощью подношения им даров, кормления их и т. п. Однако в иудаизме библейского периода, так же как и в некоторых других древних цивилизациях, обычай жертвоприношения

приобретает все более возвышенный смысл. В еврейской религии он становится выражением покорности и благодарности Богу, но главным образом – основным средством искупления грехов и очищения от скверны. Ритуальное заклание животного в качестве главной формы жертвоприношения следует, по-видимому, рассматривать как символическую замену жертвоприношения собственной жизни. Возлагая руки на голову животного, жертвователю символически переносил на него свои грехи. Жертвоприношение служило ритуальным выражением представлений о неразрывной связи жизни и смерти¹.

Очень живо сакральный смысл этого ритуала описан А. Десницким²:

«люди должны были приносить жертву повинности или жертву за грех – если они преступили заповеди или просто оказались ритуально нечистыми, только такая жертва могла вернуть им состояние чистоты. Почему? Смерть – наказание за грех. Или его естественное следствие – кому как привычнее это называть. Еще в Эдемском саду Адаму и Еве было сказано, что нарушение заповеди станет причиной их смерти (до этого они не должны были умирать). И жертвенное животное становилось своего рода выкупом, заменой. Перед тем, как его закалывали, возлагал на него руки человек и тем самым как бы говорил: “Я достоин смерти за свои грехи и признаю это, я не могу приблизиться к Тебе, но, Господи, вместо своей крови я приношу кровь этого барашка и прошу у Тебя прощения”. Вот почему искупительная жертва обязательно должна была быть кровавой. Израильтяне вообще считали кровь носителем жизни (собственно, так оно и есть) и потому почитали священной».

Но практика жертвоприношений, увы, не ограничивалась лишь кровью священных животных. Десницкий пишет.

Человеческие жертвоприношения были хорошо известны в древности. Чтобы получить от богов что-то особо ценное и нужное, им следовало отдать самое дорогое – а что может быть дороже человеческой жизни? Практически все язычники время от времени резали на алтарях пленников или рабов, а некоторые (например, инки) посылали на заклание знатных и красивых юношей, которые шли на смерть добровольно, окруженные почетом. Наконец, самая дорогая жертва – это собственные дети, особенно мальчики-первенцы, которые должны унаследовать имя и титул отца. Религия ханаанцев и других народов, населявших Палестину до израильтян, одобряла такие жертвы (это к вопросу о том, за какие именно грехи Бог впоследствии обрек эти народы на полное уничтожение). Возможно, рассказ об Аврааме и Исааке (когда Господь потребовал от Авраама принести в жертву его единственного сына Исаака) был призван объяснить, почему израильтяне категорически отказались от такой практики. Дело вовсе не в том, что они были слишком изнежены или недостаточно уважали своего Бога – Бог Сам отверг человеческое жертвоприношение.

Мы подходим к главному моменту христианского мироощущения. Десницкий, как бы отвечая Толстому, ярко и выразительно отделяет основное от второстепенного. Да, Бог отверг человеческое жертвоприношение.

Зато такая жертва приносится Самим Богом. Те, кто думают, что самое главное в Новом Завете – учение Христа или его нравственный пример, ошибаются. Вовсе нет! Большая часть того, чему Он учил, уже была в Ветхом Завете. И хотя в Евангелии все это изложено более ясно и

---

¹ Сведения взяты из Еврейской электронной энциклопедии <http://www.eleven.co.il/article/11565>

² Христианский журнал «Фома» http://azbyka.ru/dictionary/07/zachem_prinosyat_zhertvy-all.shtml

связно, уникальность его вовсе не в проповедях и притчах. В конце концов, другие духовные учителя человечества тоже оставили множество прекрасных наставлений и изречений.

Неповторим в Евангелии Сам Христос – воплощенный Сын Божий, и, прежде всего – Его смерть и воскресение. Его жертва, принесенная за грехи всего мира.

Что же это была за жертва? Кровь животного проливалась во искупление грехов одного человека, группы людей, пусть даже целого народа, но все равно это было очищение временное и частичное. Полностью смыть грехи всего человечества, все, какие только совершались и еще совершатся, могла только совершенная жертва, кровь единственного Безгрешного – Сына Божьего. И тогда уже неважно, велик или мал этот грех, ведь дело уже совсем не в нем, а в совершенной и безгрешной жертве (подчеркнуто мною – А.Ш.). Когда знаменатель дроби стремится к нулю, ее значение стремится к бесконечности; так и здесь “ноль греха в знаменателе” дает бесконечное, полное прощение.

Читателям, придерживающимся иных духовных приоритетов, я предлагаю воздержаться от эмоциональных оценок типа: может ли стержнем современной духовной жизни оставаться такая архаичная и с нынешней точки зрения дикая традиция жертвоприношения, доведенная к тому же до абсурдного предела, как по значимости жертвы, так и по уровню халявы? В подобных оценках проступает гордое самодовольство нашего просвещенного сознания и не оставляет нам шансов что-либо понять.

И хотя сам я не могу принять в качестве основания своей веры приведенные утверждения, для меня представляет интерес попытаться выяснить, что же дает душе человека вера в искупительную жертву Христа, как она способствует его личностному и духовному росту. Подобные темы, естественно, обсуждаются в христианской литературе, Есть много книг, написанных талантливо и вдохновенно. Но от взгляда изнутри всегда ускользают детали, которые могут проступить вполне явно для взгляда отстраненного.

Я не собираюсь развешивать эту тему во всех ее аспектах (мне это было бы не под силу), но предлагаю рассмотреть один существенный момент христианского мироощущения.

Начать я хотел бы с некоторой реабилитации древнего ритуала искупительного жертвоприношения (не человеческого, естественно). Он, хотя и дикий, все же не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд. Осуществляя ритуал, древний человек тем самым демонстрировал Богу две вещи: свою искренность и верность. Согласитесь, это не так мало, и в каких-то случаях вполне могло вызвать встречный одобрительный отклик свыше. То есть, можно предположить, что ритуал в некоторых случаях действительно срабатывал. Иными словами, человек, осуществляя такое символическое действие, мог войти в контакт с иным уровнем реальности.

Если древнее искупительное жертвоприношение могло обладать действительным сакральным содержанием, то есть основания полагать, что оно не только не утерялось, но и получило развитие в ходе осуществленного первыми христианами превращения этого ритуала в мистерию вселенского масштаба – возложение на жертвенный алтарь самого Бога.

Правда, при таком предельном расширении масштаба ритуала у человека возникли неизбежные сложности. Когда человек приносил в качестве искупительной жертвы свою собственность – лучшее животное из стада, жертва была осязаемой и зримой, причем ценность ее вне всяких сомнений была очевидной. Здесь же оказалась утраченной как зримая осязаемость Жертвы (никто из христиан, кроме апостолов не видел Сына Божия), так и ее несомненная ценность с человеческой точки зрения (имеются ввиду неизбежные человеческие сомнения в подлинности как самой Жертвы, так и вообще всех евангельских событий).

Есть и еще одна важная особенность. Здесь будет уместно восполнить весьма существенное упущение в разъяснениях А. Десницкого.

Необходимым элементом акта жертвоприношения является осознанное выполнение этого ритуала: человек возлагает руки на голову жертвенного животного и просит прощения у Бога. Но когда на жертвенный алтарь был возложен Сын Божий, этот порядок оказался нарушен: люди не подозревали о том, что эта жертва приносится за их грехи – жертва была принесена без их согласия. Они даже не были поставлены об этом в известность. Понятно, что в этих условиях жертва лишена смысла. Но у каждого конкретного человека, тем не менее, есть возможность исправить это положение: он может задним числом осознать мистериальный смысл свершившегося жертвоприношения. Момент такого осознания называют принятием христианской веры и фиксируют таинством крещения (если оно осуществляется в сознательном возрасте).

Итак, если в древности сознательное проведение ритуала искупытельного жертвоприношения не вызывало принципиальных затруднений и требовало соблюдения лишь ритуальной чистоты, то расширение ритуала до высшего мистериального уровня предъявило к состоянию сознания и душевному настрою человека ряд новых требований. Чтобы действительно искренне, не формально принимать Бога в качестве жертвы, принесенной не только за грехи всего человечества, но, самое главное, и за твои личные грехи, нужно создавать в душе яркий покаянный настрой. Этим предопределяется то существенное значение, которое придается в мироощущении христианина комплексу вины. Вообще говоря, виноватым в совершении каких-то поступков время от времени может ощущать себя любой человек. Но от этого чувства обычно стремятся избавиться либо путем извинения, либо путем какого-либо действия, либо путем забвения (вытеснения из сознания).

Христианин стремится сосредоточиться, сфокусироваться на своей вине перед Богом и людьми. Фиксация на чувстве своей греховности помогает ему символически воссоздать обстановку ритуала жертвоприношения, в которой он выступает жертвователем (фактически участвует в распятии), но одновременно и рабом Божиим. Этот сакральный момент дает ощущение живой связи с Богом и поэтому необычайно ценен для христианина. Он регулярно воспроизводится в таинстве евхаристии. Именно по причине значимости этого ощущения у христиан нет проявленного желания избавиться от чувства вины – наоборот, они склонны постоянно воссоздавать его и возвращаться к нему. Хорошим примером может послужить сюжет фильма «Остров», в котором герой всю жизнь очень эмоционально, порой иступленно кается в своем страшном грехе, и рана его не лечится временем.

Подобное состояние души отображено в покаянных молитвах. Вот пример одной из них.

Господи, согрешихом на Небо и пред Тобою! Приими обращение и покаяние наше, приими наше стенание и слезы, приими покаяние нас, грешных, приими рыдание и вопль наш даже до смерти. Приими нас, окаянных, живших безстыдно; приими нас, Человеколюбче, зело прогневавших Тя; приими нас, Владыко, проведших всю жизнь в распутстве, во всяком лукавствии и нечистоте; приими нас, Господи Боже, преступивших заповеди Твоя; приими нас, Владыко, недостойных раб Твоих, и не воздай нам по делом рук наших. Исповедаем Тебе, Владыко, яко по грехом нашим несмы достойни даже и жизни; исповедаем, Господи, яко несмы достойни даже воззрети на солнце сие, зане несть таков грех, несть ни единого таково злодеяние, егоже не совершили быхом мы, окаянии.

Я опускаю еще пол страницы текста, в котором продолжается самоуничужение в том же духе. Молитва завершается просьбой о помиловании с учетом «немощи естества нашего». Однако во всем этом эмоционально насыщенном тексте нет даже намека на

вполне уместное в данном случае твердое обещание стать лучше, не грешить и жить по заповедям. И это вполне объяснимо. Если сосредоточить внимание на позитивных волевых решениях, по преодолению немощи и изменению своей жизни, столь дорогая для христианина ритуальная обстановка принятия искупительной жертвы окажется нарушенной. Поэтому акцент неизменно делается на переживании греховности. Если тяжесть своих собственных грехов в данный момент не выглядит внушительной, то серьезным подспорьем в поддержании комплекса вины для всех христиан служит учение о первородном грехе, присутствующем каждому человеку и принципиально неустранимом человеческими усилиями.

С точки зрения любой духовной практики, ориентированной на духовный рост и развитие, подобная фиксация на своей виновности представляется непродуктивной и бессмысленной. Ведь если человек действительно искренне осознает свою вину, то есть переживает момент покаяния, у него должно появиться намерение разобраться с теми внутренними побуждениями или ценностями, которые привели его к дурному поступку. Проявляя волю к реализации этого намерения, он действительно может найти в себе явные или скрытые побуждения к дурному и постараться разобраться в их истоках. В итоге этой работы он обретает возможность сделать осознанный выбор – отказаться от прежних ценностей, и тогда повторение поступка становится невозможным. При этом человек испытывает облегчение – вина перестает висеть на нем тяжким грузом. Такую душевную работу можно назвать глубоким покаянием, но глубоким не по силе чувства вины, а по результату, по целебному эффекту.

В христианстве, однако, концепция духовного роста не имеет особого приоритета. Подобные занятия считаются в определенной мере проявлением гордыни и, как метко отметил Н. Бердяев считается, что «лучше смиренно каяться, чем гордо совершенствоваться». На первом плане здесь стоят переживания, связанные с искупительной жертвой Христа, и именно в них заключен весь динамический потенциал. В некоторых случаях верующему удается достичь исключительного накала этих переживаний, о чем может свидетельствовать, например, такое психосоматическое явление, как стигматы – кровоточащие раны, появлявшиеся на ладонях и ступнях у некоторых святых.

Я бы не хотел ни в коей мере подвергать сомнению искренность тех чувств, которые связаны с искупительной жертвой Христа. В течение многих веков они служили для людей опорой в их надежде на спасение и могли удерживать от падения в пропасть простого животного бытия. Но, начиная с эпохи Возрождения, в недрах христианского общества начинает зреть и развиваться новое представление о месте человека в мире, о его предназначении и его взаимоотношениях с Богом. В течение нескольких веков оно радикальным образом преобразило облик всего общества. Мир неузнаваемо изменился. Ну, а человек? В религиозной литературе (и не только христианской) мы встречаем обычно утверждение, что человек остался прежним. Это далеко не так.

В этом утверждении констатируется неизменная двойственность человеческой природы в его выборе между добром и злом. И действительно в этом отношении человек не изменился – он по-прежнему колеблется между этими полюсами. Однако нельзя не видеть, что процесс осознания своей человеческой природы, инициированный художниками, поэтами, учеными и философами эпохи Возрождения и Нового Времени способствовал развитию в человеке новой практически отсутствовавшей ранее способности заглядывать внутрь себя, расшифровывать свои потаенные мысли, различать свои неявные устремления, понимать, что же на самом деле он хочет. Эту способность назвали рефлексией. Ее значение в наше время никак нельзя игнорировать. Именно эта способность за последние века нашла свое яркое выражение в расцвете художественного творчества в живописи, музыке, литературе и других сферах искусства. Я не собираюсь петь хвалебную песнь современной цивилизации. Нам приходится пожинать горькие

плоды своего выбора между добром и злом. Но я решительно не согласен, когда свободное творчество, научный поиск, рефлексию представляют в качестве источника зла (мол, не знал человек этого раньше, и не было тех кошмаров, с которыми столкнулось современное общество). Совершенно очевидно, что человек любую свою способность может обернуть добром или злом. Дело не в способностях человека, а в его сознательном или неосознанном выборе. Способности – это всего лишь те исходные условия, в которых мы осуществляем свой свободный выбор. Благодаря рефлексии, к примеру, создаются как шедевры искусства, так и многочисленные технологии управления массовым сознанием.

Новое мироощущение и новые способности человека отобразились в концепции движения, эволюции и развития как способа существования. Она существенно отличается от прежней.

В древние времена, когда формировались основные мировые религии и в последующие тысячелетия, господствовало представление о неизменном порядке вещей. Это представление поэтично выражено в книге Экклезиаста:

"Род проходит и род приходит, а земля прибывает во веки... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем."

Весь строй общественной и частной жизни формировался вокруг устойчивых традиций. Авторитет традиций был необычайно высок. Духовная жизнь человека также полностью регламентировалась обрядами и традициями и не предполагала каких-либо самостоятельных действий или внутренних движений. В этих условиях вполне естественным было ощущение своей подчиненности и покорности традиции, священству и высшим силам. Но это не следует понимать в том смысле, что все это держало человека в плену и делало его несвободным. Просто в духовной сфере людей и всего социума не существовало культуры самоосознания и развития. С нашей нынешней точки зрения человек был пассивен по отношению к судьбе, к воле высших сил, и единственное, что было в его руках – просить о пощаде. Это мироощущение нашло свое отражение во многих обрядах и ритуалах и достаточно ярко отображено в ритуале искупительного жертвоприношения. Ведь с психологической точки зрения человек воспринимал ритуал как откуп за грех, в условиях, когда его причины и истоки не доступны, да и, по сути, не интересны человеку. Он совершал ритуал, понимая, что слаб перед лицом темных сил побуждающих к греху.

Это мироощущение сохранилось и в христианстве. В качестве иллюстрации я привожу полный текст молитвы Господу нашему Иисусу Христу в переводе на русский язык.

Многомилостивый и Всемилостивый Боже мой, Господи Иисусе Христе! Из великой любви Ты сошел и воплотился, чтобы спасти всех людей: молю Тебя, Спаситель, спаси и меня благодатию Твоею. Если бы за дела мог спасти меня, то не было бы это даром Твоим и благодатной любовью. О неиссякаемо щедрый и невыразимо милостивый! Ты сказал, Христос и Господь мой: "Верующий в Меня имеет жизнь вечную". Если вера в Тебя спасает погибающих – вот, верую! Спаси меня! Ибо Ты мой Бог и Создатель. Вера же моя вместо дел да зачтется мне, Боже мой, ибо не найдешь Ты дел, оправдывающих меня. Но да будет вера моя вместо всех дел, не содеянных мною, да отвечает она, да оправдает меня, да соделает меня участником славы Твоей вечной. Да не похитит меня сатана, да не похвалится он тем, что отторгнул меня от Твоей руки и защиты. Но или хочу или не хочу, спаси меня, Христе, Спаситель мой, скоро, пошли мне помощь Твою, да не погибну: ибо Ты Бог мой от чрева матери моей. Сподоби меня, Господи, ныне возлюбить Тебя, как я раньше любил те грехи, которыми грешил перед Тобою, и поработать Тебе без лености, как прежде я работал на сатану, оболстителя и обманщика. Да потружусь Тебе, Господу и Богу моему Иисусу Христу во все дни жизни моей, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

«Вера же моя вместо дел да зачтется мне» - более красноречиво не скажешь! Я не могу ничего сделать с собой, прости меня таким, какой я есть, только за то, что я в тебя верю. И это все, что я могу сделать. Я настолько слаб, что у меня нет даже проявленной воли к спасению: «Но или хочу или не хочу, спаси меня, Христе, Спаситель мой» – короче спаси меня даже если я (совсем глупый) этого не хочу. Правда в конце молитвы все же содержится обещание в дальнейшей жизни потрудиться Господу. Иначе все выглядело бы совсем беспросветно.

А вот милая своей простотой вечерняя молитва.

Господи Боже наш, все, в чем согрешил сегодня словом, делом и помышлением, как Благий и Человеколюбец прости мне. Мирный сон и безмятежный даруй мне. Ангела Твоего хранителя пошли, защищающего и сохраняющего меня от всякого зла, ибо Ты – хранитель душ и тел наших, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Иными словами, прости меня согрешившего и обласкай просто так, поскольку Благий, ничего Тебе не обещаю и воссылаю одну лишь славу.

Наверное, меня можно упрекнуть в том, что я сгустил краски и предлагаю недопустимо однобокий взгляд. Ведь сказал же апостол Иаков, что вера без дел мертва! И действительно, в христианском мироощущении присутствует совсем иная сторона, без которой христианство было бы примитивным убежищем для беспомощных.

Несмотря на то, что человек слаб перед лицом темных сил, он, опираясь на веру, может превозмочь свою слабость в подвиге самопожертвования и уподобиться в этом Христу, отдавшему свою жизнь за людей. Подвиг за веру всегда считался высшей добродетелью в христианстве. К лику святых причислены тысячи великомучеников. Эта героическая нота создает противовес беспомощности слабых и формирует в христианстве позитивный образ сильных верой и духом, предлагаемый для почитания и подражания. Подвиг за веру в уподоблении Христу символически отождествляется с восхождением на Голгофу.

В итоге в духовных приоритетах христиан существует весьма противоречивая поляризация: сознание своей слабости и немощи при живом и искреннем почитании святых и мучеников. Это противоречие особо остро ощущается в России. О нем писал Н. Бердяев в статье «О святости и честности»³.

Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью, он будет верить, что жизнь св. Серафима Саровского выше всех земных благ и что св. Серафим спасет его и всех грешных русских людей, предстательствуя перед Всевышним от лица русской земли. Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества.

Сложившаяся практика предлагает верующему выбор лишь между двумя путями: смирения для тех, кому трудно справиться с «немощью естества нашего», и подвига самоотречения и восхождения на Голгофу для сильных духом. Этими полярностями практически и исчерпывается весь спектр. И это вполне естественно, ведь в прежние времена мощному напору темной и загадочной силы греха человек ничего не мог противопоставить, кроме твердости своей веры в Спасителя и демонстрации своей верности Ему. Поэтому концепции иного, умеренного пути не разрабатывались.

Культура нашего времени предоставляет человеку новые возможности. Я уже упоминал о рефлексии – новой способности человека исследовать самого себя также как он исследует окружающий мир. Использование этой способности наряду с развитой в

---

³ В книге «Судьба России», 1918г.

Новое время концепцией движения, эволюции и развития как способа существования способствовало формированию нового мироощущения. Для него характерно активное использование творческого потенциала человека. Духовная деятельность представляется как непрерывный процесс эволюции, как развитие от менее совершенных к более совершенным состояниям духа, как осуществляемое творческими усилиями человека движение к расширению рамок сознания. Узкие рамки Эго, в которые исходно заключено наше сознание, могут быть преодолены путем развития потенциала самоотдачи и служения, в ходе которого человек обретает опыт общения и взаимодействия с высшим и единственным, в конечном счете, Учителем.

Представление о Боге как Учителе радикально меняет мироощущение верующего, побуждая к активности и движению. Человек вместо пассивной роли раба Божия, носителя неустранимого первородного греха, занимает ответственную позицию ученика, требующую от него постоянных осознанных творческих усилий по решению этических задач, которые Учитель последовательно ставит одну за другой. И здесь от верующего требуется не столько твердая уверенность в непреклонности своей веры, сколько проявленное желание и стремление решать эти задачи. Это творческое взаимодействие ученика и Учителя сообщает значение смысл всему движению. При этом земная жизнь рассматривается как школа духовного роста. В ходе последовательного обучения дух человека обретает все новые качества, роднящие его с Учителем. Совершенно понятно, что процесс духовного роста не может иметь завершения, тем не менее, дух может достичь такой степени совершенства, когда в качестве ученика земной школы он не сможет уже обрести новые свойства. И он расстается с этой школой.

Хотя в представленной концепции почти отсутствует религиозная риторика, в основном она не противоречит христианскому мировоззрению. В христианстве аналогичное восхождение обозначают термином «обожение». И, в принципе, не нужно менять свои религиозные убеждения, чтобы, используя в полной мере тот позитивный потенциал, который предоставляет нам наша культура, принять путь духовной эволюции в качестве альтернативы тем двум крайностям, которые с древних времен сформировались в христианской практике. В своей основе этот духовный труд совсем не чужд христианству, так как решение любой этической задачи начинается с покаяния, с разбора своих ошибок в свете нравственных заповедей, а эта работа близка и понятна любому христианину.

Единственным догматическим препятствием для принятия концепции развития является закрепленное в решениях Вселенских Соборов и более поздних канонически-нормативных формулах положение о сотворении Богом души вместе с телом (однократное воплощение души). Оно отменяло существовавшие в то время представления о реинкарнации и имело целью поднять уровень ответственности весьма пассивной паствы, склонной прибегать к удобному для себя тезису «слаб человек». Это, безусловно политическое и воспитательное решение, не вытекает из основных христианских догматов, сформулированных в символе веры, и без ущерба для веры может быть опущено. И тогда спасение предстанет не как желанный моментальный акт прощения всех грехов, а как длительный процесс обучения, процесс последовательного решения этических задач все более возрастающего уровня. Для своей полноты он требует многократного воплощения духа, и проживания разнообразных, порой драматических судеб. Но, в итоге, если дух в ходе воплощений непрерывно взаимодействует с Учителем, он накапливает духовный потенциал, позволяющий ему продолжить работу в другой (высшей) Школе. Этот момент можно условно назвать завершением процесса спасения, так как дальнейшее возвращение духа к земной жизни уже не обязательно.

Концепция ученичества предполагает активное использование творческого потенциала человека. К сожалению, исторически сложилось так, что христианство, одобряя творчество в узких религиозных рамках, всегда с недоверием и подозрительностью относилось к творчеству в широком понимании этого слова. А ведь творчество – вид

духовной деятельности, в котором проявлено именно то человеческое свойство, которое роднит его с Творцом. Эта ограниченная установка явилась одной из главных причин падения авторитета христианства за последние века. Я, однако, не склонен думать, что эту ошибку в принципе невозможно исправить. Попытки по-новому взглянуть на то громадное наследие, которое находится в руках христиан, и переосмыслить его предпринимаются. В подтверждение этого я хотел бы привести высказывание Александра Меня⁴:

«Многие слова Христа для нас до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас называем историей христианства, – это наполовину неумелые и неудачливые попытки реализовать его».

Я согласен, сейчас в руках христиан действительно есть все, чтобы открыть страницу новой истории христианства, и те творческие способности человека, которые были оставлены христианством без должного внимания и часто использовались человеком в целях разрушения, обратить во благо его духовного роста.

В заключении, я хочу принести извинения тем читателям, чьи религиозные чувства я мог неосторожно затронуть в своих суждениях стороннего наблюдателя. Я хотел осмыслить некоторые важные моменты христианского мироощущения в рамках современного культурного контекста. Может быть хоть в малой степени мои размышления помогут взаимному пониманию верующих, воспринимающих откровение на языке разных культурных традиций.

---

⁴ Александр Мень. ХРИСТИАНСТВО. Лекция 8/IX/1990 www.krotov.info/library/13_m/myen/04/00018.html .